

18+

Александр Брыксенков
Андрей Брыксенков

БЕРЛИНСКИЙ ВОЗДУХ

На пределе. 9-я серия

**Александр Брыксенков
Андрей Брыксенков
Берлинский воздух.
На пределе. 9-я серия**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63100106

ISBN 9785005173881

Аннотация

После восьми лет проживания в Германии автор отметил, что менталитет немцев заметно отличается от менталитета россиян, причём в лучшую сторону. Может быть, поэтому немцы и живут лучше нас. В книге приведены зарисовки германской жизни, которые несомненно будут интересны читателю.

Содержание

Германский дух	5
Красивые серьги	18
Вот тебе и кролики	25
Замок с изюминкой	32
Вот так немцы!	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Берлинский воздух

На пределе. 9-я серия

Александр Брыксенков

Андрей Брыксенков

© Александр Брыксенков, 2020

© Андрей Брыксенков, 2020

ISBN 978-5-0051-7388-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Германский дух

Выставочный комплекс Messe Berlin

Могущественная, угрожающая всему миру
германская материя есть
эманация германского духа,

Н. А. Бердяев

Если гуляешь только по Курфюрстендамм, то и знаешь только Курфюрстендамм, если гуляешь по Унтер-ден-Линден, то только и знаешь Унтер-ден-Линден. А, чтобы знать

весь Берлин, нужно по его улицам капитально потопать. Этим с большим интересом и занимался Барсуков, когда выпадало свободное время.

Перед очередной вылазкой в город он расстилал на столе план германской столицы и намечал для осмотра такой район города, где он раньше не был. Вооружившись фотоаппаратом, он на общественном транспорте добирался до цели и с удовольствием и интересом начинал обход намеченного района. Это было очень познавательно. В этих экскурсиях он обязательно находил что-нибудь интересное или необычное. Всё его поразившее он фиксировал на плёнку. У него уже скопилась обширная фототека, используя которую, можно было бы создать увлекательный альбом с оригинальными видами города. А таких оригинальных видов было много. Старинный же город. С колоритной историей. Не то, что пресный, например, Вашингтон.

Так на Палласштрассе его ошарашил вид громадного без окон железобетонного параллелепипеда высотой с пятиэтажный дом. Это был бункер, построенный военнопленными в 1945 году. В нём во время авиационных налётов союзной авиации укрывались местные жители.

Удивление вызывал не тот факт, что бункер существовал, а тот, что он был вписан в жилое многоэтажное здание. А де-

ло заключалось в том, что, когда на этом месте развернулось жилищное строительство, бункер был помехой. Но снести этого прочного монстра было не так-то просто. Архитекторы предложили интересное решение, просто накрыв бомбоубежище многоэтажкой, то есть, жилое здание как бы обволокло бункер. Комплекс получился очень оригинальным и притягательным для туристов.

А рукотворный (прямоугольный в плане) холм высотой в 80 метров, расположенный в конце улицы 17 июня? Там перед войной было начато строительство Военно-технического училища. Успели возвести лишь металлический каркас здания. После окончания войны его не стали разбирать, а в ходе расчистки берлинских руин, наполовину законченный каркас огромного здания засыпали 75 миллионами кубометров строительного мусора и грунта, а сверху посадили деревья. Сейчас власти думают как бы поэффективнее использовать этот необычный объект.

Комбинация бункера и жилого дома

Есть в городе и загадочные сооружения. В центре Берлина выглядывает из-за деревьев железобетонный цилиндр без окон и дверей и без каких-либо архитектурных красот. Его высота 14 метров, диаметр 21 метр и вес 12,5 тыс. тонн. Поставлен цилиндр (как позже узнал Барсуков) на фундамент, углублённый на 18 метров. Цилиндр построили в 1942 году. Постройка обошлась в 400 000 рейхсмарок.

Барсуков ходил вокруг странного цилиндра, фотографи-

ровал его и никак не мог сообразить, каково назначение этого загадочного объекта. В конце концов он решил, что это, скорее всего, постамент, на который немцы собирались установить какую-то колоссальную скульптуру. Прибыв домой, он погрузился в Сеть и просветился, а просветившись понял, что ни только он, но и любой другой человек, незнакомой с нацистскими архитектурными планами, никогда бы не догадался о предназначении упомянутого железобетонного столба.

Гитлер планировал превратить Берлин в столицу мира. Понятно, что мировая столица должна была иметь величественный вид, должна быть украшена гигантскими сооружениями, идеологически выдержанными скульптурами, исполненными в германском духе, стеллами, арками и другой имперской атрибутикой.

Нацисты отвергали модерн и конструктивизм как большевистское, еврейское проявление. Существовавшие в Германии здания, выполненные в конструктивистском стиле, по возможности сносились. Отвергали нацисты и академические стили, такие как барокко, классицизм и даже ампир, считая их слащавыми и не соответствующими германскому духу. Под германским архитектурным духом понималось следующее: грандиозность и суровая простота, чуть смазанная неоклассицизмом.

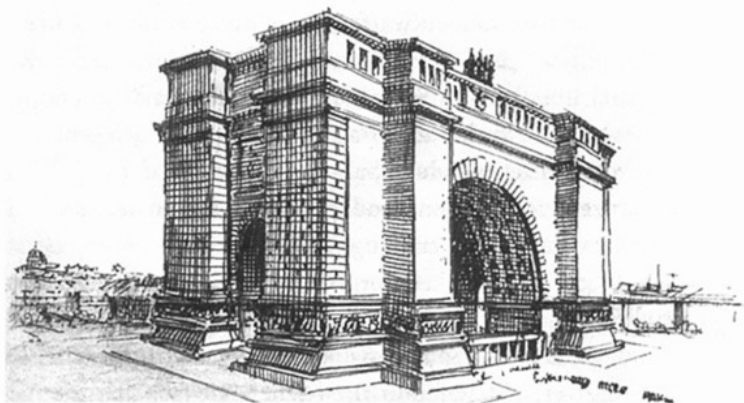
Экспериментальный цилиндр

Город ожидала капитальная перестройка. Предполагалось расечь его двумя взаимно перпендикулярными магистралями (осями), вдоль которых возвести правительственные, общественные, культурные сооружения (разумеется в германском духе). В центральной части города (в районе Рейхстага) планировалось сооружение монументальных объектов, таких как гигантский «Зал народа» высотой в 290 метров, накрытый огромным куполом с диаметром в основании, рав-

ным 250 метров. «Зал должен был вмещать 180 000 зрителей, а также зданий Имперской канцелярии, Верховного командования вермахта, личной резиденции Гитлера и грандиозной Триумфальной арки, эскиз которой был набросан лично фюрером.

Масса Триумфальной арки была настолько огромной, что архитекторы засомневались в способности грунта выдержать её нагрузку. Чтобы сомнения отпали, решили провести эксперимент с железобетонным цилиндром, который создавал бы давление на каждый квадратный сантиметр грунта, равное давлению, которое будет создавать масса арки. Эксперимент должен был дать ответ на вопрос, насколько осядет в грунт будущая Триумфальная арка и, соответственно, возможно ли ее строительство в этом месте в принципе.

Грунт показал себя молодцом, но по известным причинам Триумфальную арку не возвели, однако, экспериментальный цилиндр сохранили как своеобразный архитектурный объект. Да, действительно, не зная всего этого, никогда не поймёшь назначения странного цилиндра, торчащего из земли в центре Берлина, немного южнее пересечения улицы Генерала Папе с улицей Конрада Дудена. Кстати, официальное его название *Schwerbelastungskörper* – (объект для создания тяжелой нагрузки»).

Триумфальная арка (проект)

Есть в Берлине, кроме цилиндра, ещё одно массивное, неординарное сооружение, подобного которому нет ни в одной другой стране, и перед которым любой немец будет стоять с разинутым ртом, пытаясь сообразить для чего же оно предназначено, и скорее всего не сообразит.

Это квадратная в плане башня со стороной квадрата равной 75 метров. Высота башни 30 метров. По углам башня имела прямоугольные объёмы. Стены башни прорезались четырьмя рядами прямоугольных окон. В Берлине во время войны было сооружено три таких башни: в Тиргартене, воз-

ле станции Зоо и в парке Гумбольдтхайн..

Все они после войны были взорваны союзниками. И если первые две башни превратились в груды обломков, то третья, несмотря на то, что для её разрушения было использовано 20 тонн динамита, частично устояла. Полностью сохранилась одна стена и часть боковых стен. Склон из обломков, образовавшийся после взрыва, был засыпан грунтом и засажен кустарником. Зимой на нём теперь тренируются горнолыжники, а по стене лазают альпинисты. Открыт доступ во внутренние помещения, где создана небольшая выставка.

Теперь о назначении башен. Из-за городских зданий угол конуса обстреле для тяжёлых зенитных пушек был узковат. Чтобы его увеличить пушки и подняли на эти, построенные для них башни. На каждой боевой зенитной башне было установлено по четыре 128 мм зенитных орудия. Это были очень мощные орудия, которые могли вести огонь по самолётам ещё на их подлёте к городу. В галерее и в барбетах размещались восемь счетверённых и 12 одноствольных 20 мм зенитных установок. Первый этаж башни служил бомбоубежищем, на третьем этаже был развёрнут госпиталь.

Второй этаж башен использовался для укрытия ценностей берлинских музеев. После завершения штурма Берлина специальная команда вывезла эти ценности в Москву. После ре-

ставрации они в пятидесятые годы были возвращены ГДР. А картинам не повезло. В покинутой сотрудниками башне случился пожар и 250 картин западноевропейских художников сгорело. Вот такие необычные сооружения были созданы гитлеровцами. Жаль, что ни одно из них в Берлине не сохранилось полностью. А в Гамбурге боевая зенитная башня, подобная трём берлинским, сохранилась и используется как жилой дом.

В соответствии с планом перестройки города, нацисты успели возвести довольно много архитектурных сооружений. Во время штурма Берлина многие из них значительно пострадали. Власти ГДР не стали их восстанавливать. Повреждённые здания были снесены. Барсуков считал этот шаг правильным. Уцелевшие до нашего времени здания, созданные во времена Третьего рейха, своим строгим, официальным видом отнюдь не украшают окрестности, хотя наиболее крупные сохранившиеся сооружения гитлеровского периода (Олимпийский стадион, аэропорт Темпельхоф, выставочный комплекс Messe Berlin) представляют определённый интерес.

Сохранившаяся в Гамбурге боевая зенитная башня, подобная трём берлинским башням. Используется как жилой дом.

Конечно, Берлин – не Женева, не Рим, тем более, не Париж. Смуроватый город. Именно таким, по многочисленным описаниям, и представлял его Барсуков до своего приезда в Берлин, поэтому внешний вид города его несколько не удивил, а многие районы города даже очень понравились. Понятно, что город будет насыщаться новыми красивыми зданиями, украшаться, модернизироваться, постепенно снимая с себя некую ауру тоталитаризма.

В нулевые на улицах города появились фигуры радостных медведей. Они стояли на задних лапах, приветливо вздыма-

ли передние лапы и улыбались. Фигуры были ярко разукрашены разными узорами. Такой дизайн добавил городу жизнерадостности, но это было временное явление, поскольку фигуры медведей создавались не из долговременного материала. Капитально же изменять свой город берлинцы не собираются. Они свой город любят и подстраиваться под чьи-то вкусы не намерены. Да и правильно Гражданам виднее!

А германский дух (стиль) с его основной чертой – суровостью, реально, по крайней мере в архитектуре, существует. И он нравится Барсукову намного больше, чем так называемый русский стиль (дух) с его кокошниками, балясинами, подзорами и с прочей деревенской лабудой.

К слову сказать:

Вестготы, тевтоны, вандалы
Присвоили с ходу Европу,
По Риму промчались галопом
И бриттов прижали слегка.

В различных крестовых походах
Свой дух боевой проявляли.
Неверных всегда покоряли
В худые, смурные века.

А кривичи в избах дрожали,
Платили налог Чингиз-хану,
Обиды терпели и раны
И ждали, когда тот умрёт.

Какой уж тут дух, в самом деле?

Кадили священники в рясе.

На редьке, горохе и квасе

Сидел православный народ.

Убогий народ, если честно.

И трепетный дух его рабский

С воинственным духом германским

Совсем невозможно сравнить.

Но чудо в природе, ребята,

На Волге и Шпрее Иваны

Духовным, лихим Иоганнам

Давали всегда прикурить!

Красивые серьги

Провинциальная больница. Земля Рейнланд-Пфальц

Шпиталь (больница) был типичным провинциальным медицинским учреждением, обслуживавшим и городок Денлинден, где он был расположен и близлежащие деревни. Барсукову предстояла серьёзная операция, но он несколько не комплексовал по поводу сельского уровня больницы. Немецкие врачи, что на селе, что в городе имели одинаково

высокую классификацию.

Большое пятиэтажное здание больницы имело хорошую архитектуру и являлось доминантой городка. Барсуков заметил, что в Германии больницы и дома престарелых размещают в красивых зданиях и в живописных местах. Это очень трогает и поднимает жизненный тонус. В сквере перед больницей стояли жизнерадостные бронзовые изваяния. Маленький фонтан с лягушкой радовал детей.

В палате размещались двое. Третьим был телевизор. Он являлся самым активным объектом, вещая с утра и до позднего вечера. Вещание его было довольно громким, поскольку пользовался телевизором старик-немец, у которого со слухом были проблемы. Ему сделали какую-то сложную операцию. Он был весь замотанный и загипсованный и дополнительно облачён в полиэтиленовый мешок для защиты от инфекций.

Смотрел немец всё подряд. Это крайне утомляло Барсукова. Он и дома-то, в Питере, не включал телевизор: смотреть нечего. Старые советские фильмы, дурацкие ток-шоу, юмор с бабками и прочими петросянами, и примитивные сериала про бандитов и про новых русских – вот и весь набор, обильно снабжённый рекламой, которым ежедневно потчуют бедных российских зрителей.. Дома не смотрел, а тут весь

день на пролёт приходилось терпеть этот чёртов ящик. Барсуков предлагал соседу уменьшить звук. Предлагал использовать наушники. Старик соглашался: «Да, да!», но телевизор как орал так и продолжал орать. Барсуков обращался к дежурной сестре с просьбой перевести его в палату, в которой нет телевизора. Сестра с сожалением покачала головой, сказав, что у них всего лишь три палаты, не обеспечены телевизором, и все они заняты.

Весь день его клонило ко сну. В девять вечера он залез под одеяло в надежде быстро заснуть. Куда там! По телевизору транслировался футбольный матч. Вопли болельщиков были невыносимы. Барсуков сполз с кровати и вышел в коридор. Там он присел на жёсткую кушетку, привалился к стене и закрыл глаза. Сразу же возникла дежурная сестра и поинтересовалась проблемами возникшими у пациента. Барсуков объяснил ситуацию. Сестра слегка задумалась, а затем сказала, что она поместит его до утра в отдельную палату, а утором проблема будет решена.

Палату предваряла просторная прихожая с душем и туалетом. В палате стояла широкая кровать. Измученный телевизором Барсуков поблагодарил сестру, нырнул под одеяло и тут же отрубился. Но покоем наслаждался он не долго. Разбудил его громкий разговор и смех в освещённой проходной. Там оживлённо общались мужчина и женщина оба в белых

медицинских халатах. Мужчина очевидно был местным доктором медицины, а его юная спутница – представительница среднего звена служительниц здравоохранения. Женщина стояла спиной к Барсукову и лица её он не видел, лишь бросались в глаза большие в виде спирали красивые серьги и светлые волосы, собранные сзади в тугой узел. Она сбросила халат и, получив несколько поцелуев, скрылась в душе.

Мысли заметались в голове у Барсукова: «Что делать? Что предпринять?» Конечно, нужно было спокойно, бросив sorry , пройти мимо мужчины и выйти в коридор. Но со сна он не нашёл ничего лучшего как уподобившись глупому Пьеро, залезть под кровать. Граждане, очень плохо, даже отвратительно быть третьим лишним на чужом празднике плоти. Незадачливый Барсуков всё это испытал в полной мере.

Трижды жаркий торнадо бушевал над ним. Наконец любовники вроде бы успокоились. Мужчина только целовал свою партнёршу. Затем и эти звуки затихли. Лёжа на холодном полу, морально издёрганный Барсуков изрядно замёрз. Он еле дождался момента, когда вроде бы можно было незаметно покинуть палату. Верхний свет был выключен. Теплился лишь ночник в изголовье кровати. В помещении разливался полу сумрак. Барсуков начал осторожно выползать из своего укрытия. Мягко на четвереньках он достиг прихожей и тут испуганный женский крик поднял его на ноги. Он

вскочил, рванул дверь и бросился в коридор. Нервно как заяц он добежал до своей палаты и скрылся в ней. Горел ночник, телевизор молчал, старик-немец храпел. Барсуков залез в постель, но заснуть долго не мог. Пережитое под кроватью всё ещё трясло его воображение.

Утром его перевели в палату без телевизора. Компаньоном его стал солидный интеллигентный мужчина, очевидно большой любитель классической музыки. В палате бравурно звучал Вагнер. «Только Вагнера мне и не хватало», – подумал Барсуков. После обмена именами, Вилли, как звали нового соседа Барсукова, немедленно выключил звук и подключил к приёмнику наушники. И измученный телевизором Барсуков облегчённо вздохнул.

Операция прошла успешно. На третий день после неё Барсуков уже совершил небольшую прогулку в окружавшем больницу сосновом бору. После всего медицинского напряжения запах мхов, шелест сосен, мелодии светлых родничков действовали умиротворяюще. Барсуков растрогался и собрал букетик цветов, который и преподнёс заботливой сестре.

В немецких больницах прооперированных (если нет осложнений) долго не держат, 3-4 дня, не больше, а дольше лечение амбулаторно. Вот и Барсуков через четыре дня после операции уже был дома. Всю следующую неделю он

ездил в больницу на перевязки. А после и нужда в перевязках отпала. И зажил Барсуков обычной здоровой жизнью со всеми её радостями и проблемами.

Барсуковы и их соседи, казахстанские немцы, очень здорово сдружились. Барсуков заметил, что немцы, переехавшие в Германию из бывшего СССР (в основном из Казахстана), больше тянутся к русским, чем к местным немцам

Как-то в субботу пригласили соседи Барсуковых в гости. Отмечалась помолвка их сына и местной девушки. Невеста Барсукову понравилась. Очень мила, скромна и даже застенчива. Её невинные голубые глаза, просто заполняли всё её лицо. Одно смутило его. Светлые волосы девушки были собраны сзади в тугий узел, а в её ушах красовались очень знакомые ему большие в виде спирали красивые серьги.

— Скажите, – обратился Барсуков к соседке, – ваша будущая невестка учится или уже работает?

— Она окончила медицинское училище и теперь работает медсестрой в шпитале, в Денлиндене.

«Ну что ж, – подумал Барсуков, – парню досталась очень хорошо подготовленная к супружеской жизни девушка. Мир им и любовь. Но какие же женщины плутовки, какие при-

творяшки, почище хамелеонов!»»

К слову сказать:

Подглядывать любят мужчины,
Что делают дамы в сортире.
А, что они могут там делать
Не польку же, блин, танцевать?

И это совсем не мужчины,
Что сопли во всю распустили
А если мужчины, то клизмы:
Им дамы не любят давать.

Мужик не глазами ласкает
Фемины прелестные груди
Он крепко её обнимает,
Конечно, а-ля натурель.

Ласкает, целует и гладит
(Ну кто же за это осудит)
И так убажает красотку,
Что стонут кровать и постель

Вот тебе и кролики

Улица Унтер-ден-Линден в Рождество

Перед Рождеством улица Унтер-ден-Линден стала сияющей. Голые ветви деревьев были усыпаны огонечками, электрогирлянды пересекали улицу, подмигивали цветные фонарики. Бранденбургские ворота светились, иллюминированные под цвета национального флага. На площади перед ними переливалась огнями праздничная ёлка. Вдоль аллеи стояли милые павильончики с разной новогодней чепухой.

По дорожке разъезжала лёгкая тележка, запряжённая северным оленем, на которой катались дети. По улице прогуливались радостные берлинцы. Во всём ощущалось приближение большого праздника.

Реально, для западных христиан Рождество Христово – самый главный праздник. К нему они начинают готовиться за месяц. Больше всех Рождество ожидают дети. Ну как же – подарки, лакомства, развлечения. Ну и взрослые в этом вопросе мало чем отличались от детей.

В этот раз для придания еще большей праздничности в Берлин прибыло на гастроли знаменитое варьете «Schtigel». Оно разбило свой громадный круговой шатёр на одной из лужаек Тиргартена. Барсуков, наслышанный о достоинствах «Штигела», немедленно приобрёл два билета на субботнее представление. В программке, которую он купил, перечислялись номера этого представления и имена исполнителей. Барсуков удивился обилию среди них русских фамилий. Ниже приводилось меню. В нём перечислялись блюда, которыми будут потчевать зрителей. Обещалось пиво (спиртные напитки за свой счёт).

Вечером в субботу чета Барсуковых отправилась в варьете. Фойе встречало публику необычно. Там на гамаках, подвешенных к потолку, возлежали в пикантных позах полуоб-

нажённые женщины. «Так! Это фойе, – обратился к жене Барсуков. – Что же мы увидим на сцене?»»

Сцена в варьете отсутствовала. Зрительный зал был организован по цирковому принципу. В центре располагалась небольшая арена, от которой вверх кругами поднимались места для зрителей. Перед каждым зрителем стоял маленький столик, на котором стояли две бутылочки пива и тарелка с мелко нарезанной копчёной колбасой. Открывашки для пива были не нужны, так как металлические колпачки на пивных бутылках отвинчивались с помощью пальцев.

Перед началом представления зрителей обнесли вкусным мясным салатом. К салату Барсуков приобрёл бутылку красного вина, а жене организовал бокал шампанского. Представление началось. Под бравурный марш арену заполнили рыжие, белые, гимнасты, девочки кордебалета, трубачи и барабанщики. Сделав почтенной публике общий привет, они ушли за форганг.

Все номера программы отличались высоким качеством. Что клоуны, что юмористы, что певцы с танцорами. Но самые бурные овации доставались акробатам, эквилибристам на шестах и особенно девушке, выделявавшей на свисающем с потолка канате чёрт знает что. Все цирковые артисты отличались ярким талантом. Все цирковые артисты были

русскими. «Понятно почему в русских цирках почти не осталось классных циркачей, – подумал Барсуков. – Все они утекли за рубеж.»

Барсуков правильно думал. А, что делать мастеру-циркачу в России, если на Западе ему платят в 15—20 раз больше, чем на родине. Рынок показал, что российские предприниматели (от владельцев магазинов, медучреждений, различных контор до управляющих зрелищными объектами) очень жадные люди. А даже уголовники знает, что жадность фрэера сгубила. Вот и прокатываются по стране банкротства, вот и беднеют цирки талантами.

Танцовщицы варьете

Барсуков впервые был в варьете. Варьете ему понравилось. Оказалось, что очень прикольно вкушать суп-пюре с кусочками креветок и одновременно созерцать танец в исполнении длинноногих юных прелестниц.

После окончания представления (женщины уже не висели под потолком в фойе). Барсуковы в прекрасном настроении от яркого зрелища решили прогуляться по вечерним аллеям Тиргартена. Несмотря на декабрь, снегом и не пахло. Он было выпал, но волны тёплого воздуха слизали его. В аллеях было тихо и пустынно. Лишь где-то в перспективе мелькали, освещённые фонарями, отдельные фигуры, да дикие кролики серыми тенями шастали в кустах:

Кролики умиляли супружницу Барсукова:

— Вот, что значит Европа. У нас их быстро переловили бы на жаркое.

— Да брось ты нас понапрасну-то хаять.

— Какое «понапрасну»? Вон лебедю Борьке, что жил в Летнем саду, какие-то подонки свернули же шею.

Они решили возвращаться домой и повернули к главной аллее. В этот момент со скамейки поднялись двое мужчин и направились к Барсуковым. Это были африканцы. В руке одного из них блеснул нож. На очень ломаном немецком они потребовали деньги. Барсуков, ни секунды не раздумывая, вытащил из кармана портмоне и отдал его грабителям, благо там не было ни карт, ни документов. Те мгновенно растворились в темноте.

Барсуков чувствовал себя поганно. И не денег было жалко. Там всего-то было около пятидесяти евро. Было обидно за своё бессилие. Умом-то он понимал, что выступать с кулаками против ножа значит дать противнику громадную фору, что силы неравные – двое против одного, что возраст его далеко не бойцовский, тем не менее настроение было испорчено бесповоротно. Жена его утешал, что мол слава Богу – легко отделались. Барсуков угрюмо молчал. Молчал и думал: «И зачем Меркель понапустила столько много этих дикарей в Германию? Своих гопников что ли мало?»

К слову сказать:

Раз не бережешься то и взятки гладки.

В Азии, в Европе ль, захмелев слегка..

Просто моментально схватишь по сопатке

Или же лишишься карт и кошелька.

С Азией понятно, а в Европе много
Ухарей с Востока. Африки сынов.
Почему их к немцам привела дорога?
Пдчему обрыдла родина слонов?

Замок с изюминкой

Русские князья не строили замков, этих персональных укреплённых жилищ. Исключением является частично уце-

левший замок-дворец владимирского князя Андрея Боголюбского в Боголюбове. А строили они города-крепости, которые представляли собой городские поселения с кремлём (кромом, детинцем), общественными зданиями, жилыми домами, церквями, обнесённые крепостной стеной с боевыми башнями. Такому княжескому предпочтению (в пику замкам) историки дают объяснение, но не очень убедительное, поэтому мы его приводить не будем. У нас есть своё объяснение этого явления, но поскольку мы полные неучи в истории, то и его приводить тоже не будем.

На Западе для защиты себя любимого и своей семьи от врагов феодалы сооружали замки – крупные защищённые здания. Кроме владельцев замка в нем или рядом с ним проживали воины, обеспечивавшие охрану и оборону феодального гнезда. Почти все замки имели внутренний двор, на территории которого располагались конюшни, кузница, склады с фуражом и продуктами питания, оружейная. Внутренний двор защищался замковой стеной с воротами, которые особенно охранялись. По обеим сторонам ворот обычно высились солидные башни. Во внутреннем же дворе отдельно от замка или, примыкая к нему одной гранью, сооружался донжон – самая большая башня замка как последнее укрытие осаждённых. Замок, как правило, окружал ров, наполненный водой, через который от ворот перекидывался подъёмный мост. В Средние века замки строились по всей

Европе Но больше всего замков понастроили немецкие феодалы. В настоящее время в Германии насчитывается более 20 000 замков. Некоторые из них находятся в полуразрушенном состоянии, не большинство замков ухожены и являются туристическими или музейными объектами. Часть замков находится в частной собственности. Отдельные из них обитаемы.

Барсуков вёл активный образ жизни. Он совершал пробежки, посещал тренировочный зал, имел большой набор гирь и гантелей. Но особенно ему нравилось совершать длительные велосипедные вылазки. А ещё он любил осматривать замки. Проживая в Брюхермюле (земля Северный Рейн-Вестфалия), он эти два пристрастия объединил. За год он объездил на велосипеде все близлежащие замки, после чего стал прокладывать дальние маршруты. Однажды на туристической карте его внимание привлёк замок Feldseeburg, расположенный посреди озера и он решил обязательно его посетить

Утром в солнечную пятницу, уложив в рюкзак дождевик, тёплую шмотку, компас, карту, мобильный телефон, бутерброд, бутылку пепси и аптечный пакет с йодом, бинтом, лейкопластырем и упаковкой валидола, Барсуков оседлал велосипед и, благословясь, тронулся в сорокапяткилометровый путь в южном направлении.

Темпово педалируя, путешественник довольно быстро докатил до цели своего вояжа. Он приткнул велосипед на автопарковке и с рюкзаком за спиной зашагал к озеру, вокруг которого был разбит парк. На входе в парк стояла будочка, где милая бабуля продавала входные билеты и открытки с видами замка. Барсуков купил то и другое и направился к озеру, над гладью которого эффектно возвышались стены замка.

К своему удивлению Барсуков отметил некоторую особенность укрепленного объекта. Оказалась, что оборона замка организовывалась ещё на дальних подступах к нему. Подходы к озеру перекрывались шестью каменными бастиями, которые наверно давно не реставрировались и имели руинообразный вид. Таким образом, для того, чтобы подступиться к замку, нападающие должны были сначала выбить защитников с бастиев, и уж затем на каких-нибудь плавсредствах форсировать озёрную гладь.

Замок стоял не на острове, не на суше как все остальные озёрные замки (их несколько в Германии). Его крепостные стены вздымались прямо из воды. Барсуков недоумевал: «Как же нападающие будут с лодок или с плотов штурмовать стену, куда ставить штурмовые лестницы если глубина озера более трёх метров?» В общем не Суворовым был Барсуков. У Александра Васильевича подобных вопросов не возника-

ло бы.

Северная стена (крепостная стена имела в плане вид прямоугольника) была оснащена воротами, от которых на эстакаду, идущую от берега, был подан подъёмный мост. Пройдя мост и ворота, Барсуков подумал, что он окажется во внутреннем дворе замка. Ан нет! Между замком и крепостной стеной простиралась широкая полоса воды. Чтобы попасть в замок, нужно было пройти ещё один мост и ворота в оборонительной стене собственно замка.

Замки, которые ранее посетил любитель средневековья, были разными по архитектуре, но конструктивно одинаковы: донжон, замковое здание (замок), внутренний двор, обнесённый стеной с воротами и башнями. Feldseeburg резко отличался от них. Он представлял собой комбинацию крепости и замка, то есть, замок с его замковой стеной был ещё дополнительно окружён крепостной стеной.

«Да. – подумал Барсуков, – , ловко придумал барон. Вскарбаются неприятель на крепостную стену, а это оказывается не всё. Нужно снова лезть в воду и штурмовать теперь уже замковую стену. В общем, накупается вражина, будь здоров!»

В замке, конечно же, функционировал музей, подобный остальным замковым музеям: латы, щиты, мечи, арбалеты.

Быстро пробежав по музею, Барсуков полез на донжон. Там, выйдя на широкий каменный балкон, нависший над замком, он сел на нагретую солнцем скамью и приступил к перекусу. Над ним, красиво полураскрыв крылья, восседал на карнизе каменный орёл.

Уничтожив бутерброд и споловинив пепси, он откинулся на спину и стал любоваться шикарной панорамой. День клонился к вечеру. Осеннее солнце уже не жгло, а мягко грело. Перед взором открывались зелёные дали. Очарованный романтической экзотикой, Барсуков задумался, прикрыл глаза и задремал.

Озёрный замок

Когда он проснулся, было уже пять часов. «Ого, – пронеслось в его голове, – хорошо покемарил. Надо поспешать, чтобы до сумерек добраться до дому.» Барсуков быстро спустился во двор. К его удивлению двор был пуст. Ни туристов, ни зрителей. Подойдя к воротам он с неприятным удивлением обнаружил, что они заперты на большой висячий замок. Он подёргал дверь калитки. Она тоже была закрыта. «Гады! Фирса забыли!», – вспомнил Барсуков школьного Чехова. – Что ж мне теперь ночевать в замке?»

Оглядел ворота. Они были современные, сваренные из тонких прутьев. Решение пришло сразу: «Нужно лезть!» И он, как паук полез хватаясь за прутья. Преодолев верхнюю кромку ворот, «паук» спустился на землю и через мост устремился к входным воротам. К сожалению и там всё было заперто, а створки ворот (наверное, ещё средневековые) наглухо перекрывали воротный проём.

Нечаянный узник полез по каменной лестнице на крепостную стену. Перед ним плескалось озеро. Конечно прыгать в воду не было никакого резона. «Надо звонить домой. Пусть выручают.», – решил Барсуков. А беда не приходит одна: телефон был разряжен. «Как же я забыл его подзарядить?» – стал горестно сокрушаться Барсуков

Вдоль берега озера пролегалo шоссе, по которому часто проносились машины. Барсуков решил семафорить. Он к какой-то палке, найденной им на дворе, привязал дождевик и стал им размахивать, стоя на стене. На фоне заката его силуэт был отчётливо виден с шоссе. Барсукова видать заметили, так как спустя полчаса на дорожке парка показался человек, который направлялся к замку. Махальщик радостно скатился со стены.

Смотритель, который освободил Барсукова из плена, всю дорогу отчитывал его за невнимательность: ведь на входе чётко написано, что в пятницу замок закрывается для посетителей в 17 часов.. Бубнёж смотрителя надоел Барсукову: «Дружище, в тебе злости много. Подозреваю, что ты был членом Гитлерюгенд» Ну и взвился же смотритель. Выпалив пару ругательств, он заявил: «Я был членом пионерской организации имени Ленина»»

— Так ты немец Поволжья?, – перешёл на русский Барсуков

--Нет. Я бедный потомок остзейских немцев, – по-русски же ответил немец, – а ты русский?

— О, да.

— Откуда?

— Из Петербурга.

— Тогда будем знаком: Карл.

— Алексей, – ответил Барсуков.

Поручкались, Разговорились. Когда Карл узнал, что Алексей приехал на велосипеде, то он он очень обеспокоился: ехать в темноте по шоссе, да ещё без фонарей – это безрас-судство. Он предложил Барсукову переночевать у него дома. Тот отказался. Он от Карла позвонил домой и объяснил си-туацию. Жена сказала, чтобы он ждал. За ним немедленно будет послана машина.

Карл жил в собственном доме за который ещё нужно было долго выплачивать. Поэтому Карл, дополнительно к пенсии, немного подрабатывал. Дом окружали недавно посаженные яблони и черешни Сели за стол. Появилась бутылка шнапса. Мария, жена Карла, завалила стол разными мясными вкусня-тинами. Начались воспоминания. Оказалось, что у обоих са-мыми счастливыми временами были пионерские годы: лет-ние лагеря, костры, походы, экскурсии, сборы, пионерские песни и куча друзей. Теперь у российских детей всё не так.

Каждый сам по себе. Даже во дворе не играют. Опасно. И откуда появились все эти педофилы, извращенцы, маньяки? При Советах их вроде бы и не было.

Бутылка опустела. Приятели положили руки друг другу на плечи и зазвучала в немецком доме пионерская «Картошка». А тут и машина подъехала

К слову сказать:

В тёмных переходах поселились совы.
Под стеклом музейным мирно спят мечи.
Не трепещут флаги, не скрипят засовы.
У хранилищ тайных не звенят ключи.

Сгинула эпоха, но остались замки,
Память о турнирах, о былых боях
О прекрасных дамах. Не о наших самках
Грезящих о бабках, ну и о х...

На века осталась память на планете!
Вот они какие. Просто молодцы!
Хорошо, что жили рыцари на свете
Хорошо, что были замки и дворцы.

Вот так немцы!

«Прора»

Как-то в осеннюю пору Барсуков с женой случайно оказались на немецком острове Рюген, который расположен в Балтийском море у северного побережья Германии. А оказавшись там, не преминули осмотреть удивительную достопримечательность, подобной которой нет больше во всей ФРГ, да и во всём мире, наверное, тоже. Это был не рыцарский замок, ни старинный собор (которые имеются на ост-

рове), а недостроенный комплекс зданий: там не везде была завершена внутренняя отделка. Этот комплекс состоявший из нескольких простецких 5—6 этажных блоков (без колонн, балконов, скульптур, лепнины и прочих архитектурных выкрутас), поставленных впритык друг к другу, тянулся до самого горизонта, то есть, имел общую длину, равную 4,5 километрам, что и являлось главной фишкой комплекса. Несмотря на свою простецкость, макет этого комплекса получил на парижской Всемирной выставке в 1937 году Гран При.

Данные здания предназначались для народного санатория «Прора», в котором могли одновременно отдыхать и набираться здоровья 20 000 рабочих (в основном шахтёров). Конечно, такая скученность была бы не очень комфортна, но после тёмных забоев солнечный пляж, солёный воздух, море — всё воспринималось бы шахтёрами как недоступная ранее сказка.

Строительство «Проры» велось под эгидой крупной нацистской организации «Сила через радость» (KdF), которая занималась организацией досуга и отдыха трудящихся и молодёжи Германии.

Это была богатая организация. Обладая флотилией пассажирских судов (в том числ таким гигантом как «Вильгельм

Густлов», торпедированным Александром Маринеско), KdF предоставляла трудящимся невиданную ранее возможность совершать морские круизы. На турбазах, в домах отдыха и санаториях, принадлежавших KdF, поправляли здоровье миллионы граждан Рейха.

KdF организовывала турпоходы, экскурсии, посещения концертов, театральных представлений, проводила различные спортивные мероприятия, то есть, предоставляла народу такой набор сервиса о котором в Веймарской республики он и мечтать не мог.

Из-за войны стройка «Проры» не была закончена. Все строители санатория были перемещены на соседний остров Узедом, где они приступили к созданию объектов будущего ракетного центра «Пенемюнде», на котором нацисты будут производить, испытывать и запускать самолёты-снаряды Фау-1 и ракеты Фау-2.

Во время войны в «Проре» укрывались жители крупных городов, подвергавшихся бомбардировкам союзной авиации. А позднее там размещались беженцы из восточных районов Германии. После войны «Прора» опустела. Пустует она и теперь. Лишь в трёх блоках теплится какая-то деятельность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.